

Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем,
А все-таки — не повторится.

Зинаида Гиппиус. Закат

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор.

Пролог

...Что — мы?
Вот хруст костей... вот молния сознания
перед чертою тьмы...
И — перехлест страдания...

Зинаида Гиппиус. Гибель

Мобильный телефон оказался бесполезным, он понял это после третьей или четвертой попытки. Над ним был слой кирпичей и цемента. Луч фонарика скользил по грязному облупившемуся слою штукатурки, под ним — кирпичная кладка. Кирпичи узкие и темно-красные, очень старые. Углы... камеры! Он ухмыльнулся. Камера. Погребальная камера. Углы были затянуты серой, тяжелой от пыли паутиной. Он сидел на каменном столике, отодвинув фарфоровую чашку с высохшими черными хлопьями. Перед ним на продолговатой тумбе стоял гроб женщины, умершей более ста лет назад. В свете фонаря рельефно и жутко вырисовывалось в ореоле спутанной бесцветной гривы маленькое плоское лицо в ошметках коричневой кожи, желтые зубы в черных губах, глубокие ямы глазниц и провал на месте носа. Под истлевшим,

когда-то белым платьем угадывались кости скелета. Из-под подола торчали острые носки туфелек. Казалось, женщина смотрит на него черными впадинами глаз и улыбается. Желтые зубы в черных губах... Он старался не смотреть туда. Краем глаза он заметил движение и вздрогнул. Мгновенный страх пробежал по хребту липкими лапками. На груди женщины сидел большой черный паук. Он направил на него луч фонарика. Паук исчез, и человек оторопело привстал, пытаясь понять, куда он делся. Привиделось? Экономя батарейку, он выключил фонарик и прислонился к стене, напряженно ожидая прикосновения паучьих лап. Стена была ледяной. Он чувствовал, что дышать стало труднее. Воздух был пропитан густыми запахами сырости и тлена. «Миазмы», — вспомнил он. Миазмы смерти. Темнота обострила слух, ему стали слышаться шорохи и потрескивания, словно где-то рвалась ткань или капала вода. Он прислушивался, надеясь почувствовать присутствие кого-то сверху... тогда он закричит! Он будет стучать в крышку, пока его не услышат! Ему помогут! Иногда ему казалось, что раздаются шаги над головой. Тогда он поднимался, упирался руками в тяжелую чугунную плиту и кричал... Но наверху все было тихо, и он понимал, что ему просто показалось.

«Этого не может быть, — думал он. — Так не бывает. Так не должно быть. Неужели это все? Пришло его время?» Время от времени он включал фонарик и смотрел бессмысленно, как скользит тонкий неожиданно яркий луч, выхватывая гроб, длинную высохшую мумию в грязно-бе-

Закон парных случаев

лом платье... Мумия улыбалась ему, и он гасил фонарик, чтобы не видеть ее улыбки.

Он чувствовал боль в груди, пока невнятную и вкрадчивую; пытался вздохнуть глубоко, но словно натыкался на мягкую ватную стенку. Боль в груди усиливалась. Он хватал тяжелый вязкий воздух широко раскрытым ртом, и ему казалось, в легкие вместо него льется густая вязкая жидкость...

Глава 1

Ночь и шорохи

Он слышал, как старик-вахтер, кашляя и шаркая ногами, обходит помещения, потом выключает свет и звонит на пульт охраны, сдавая объект. Грохнула тяжелая входная дверь, и загремели ключи. Все. Он выдохнул, хотя понимал, что опасаться ему нечего. Но темнота небольшого кабинета, где он прятался, сидя на полу за письменным столом, громадное старое здание, шорох и треск паркета, даже ветка, скребущая по оконному стеклу, — все заставляло его поминутно облизывать пересохшие губы, сглатывать и прислушиваться. Ну, не Рэмбо он! Не Рэмбо! И решиться на подобную авантюру ему было непросто. Понукая и уговаривая себя, он наконец осмелился вылезти из своего укрытия. «Чего ты боишься? — спросил он себя. — Темноты, как в детстве? Или того, что собираешься сделать? А что ты, собственно, собираешься сделать? В том нет никакой крамолы, а затеяно это ночью только по одной-единственной причине — чтобы не лезли с досужими вопросами. Он не только не Рэмбо, но еще и врать не умеет». Когда опаздывает на работу даже на пять

минут, а в листке указывает положенное время, то целый день корчится от стыда. Причем разумом понимает, как не прав — что такое пять минут, — а вот поди ж ты. Такой уродился. Пигмей, неспособный на поступок. Тогда-то и возникла идея остаться здесь на ночь, без помех провернуть задуманное, а утром смешаться с другими и... гори оно все синим пламенем! «Да что ж ты за человек такой, — кричала бывшая. — Да пойдی ты к начальнику и скажи! Ты же у них пятнадцать лет штаны протираешь, знаешь все ходы-выходы на память, кто, как не ты! Чтобы какой-то сопливый мальчишка обошел одного из старейших...» Господи! Бывшая была права. Он попросился на прием, сидел на кончике стула, мямлил что-то про преданность делу и вакансию. А начальник сказал: «Понимаешь, Миша, тут нужен пробивной товарищ, с когтями, ты же знаешь, что мы загибаемся без средств, а этот выцарапает у мертвого, да и связи. А ты так сможешь?» Он честно ответил, что нет. «Иди работай, — сказал начальник, — такие, как ты, тоже нужны». *Тот же нужны!* Уж лучше бы обругал, честное слово. И он пошел работать. Бывшая ушла через две недели, даже не попрощалась. Он пришел, а дом пустой. И вещи вывезла, даже посуду. Хотя квартиру не пришлось делить. Он только руками развел, но справедливо рассудил, что одному легче прожить. Хорошо, детей не завели. Была когда-то книжка, роман, читанный в молодости... как же он назывался? Что-то про маленького человека. А! Вспомнил. «Маленький человек, что же дальше?» Там какой-то не то бухгалтер, не то продавец, которого не за-

мечали. Вот и он тоже. Архивариус! Сейчас даже не знают, что это такое.

Ладно, кажется, пора...

Светя себе фонариком, он вышел из укрытия и отправился к каптерке, где в шкафчике на щитке висели ключи. Открыл дверцу, посветил фонариком, выбрал ключ с биркой с цифрами «22/3» и снова закрыл. Прислушался, чувствуя, как взмокла спина.

Подошел к лифту, постоял, колеблясь. Решил, что движение могут зафиксировать каким-то образом, и повернул к черной лестнице. На площадке стоял синеватый полумрак из-за тусклой лампочки в металлической сетке и было холодно, как в погребе. Он поежился и снова прислушался. Гнетущая тишина, лишь еле слышное потрескивание старых стен и шуршание... пауков?

Он пошел вниз, машинально отсчитывая шаги и ступени: раз, два, три... Это избавляло от страха, который он испытывал, несмотря на повторяемую мантру: здесь никого нет, здесь никого нет, нет, нет... А привидения? Он попытался рассмеяться, но у него не получилось. Ступеньки уходили в темноту. Где-то внизу угадывалась еще одна синяя лампочка, но до нее была темнота, которую ему предстояло преодолеть. Раз, два, три... Четыре, пять... Пятьдесят пять! С чувством облегчения он ступил на площадку перед нужной дверью с уже знакомыми цифрами «22/3», что означало третий нижний уровень, помещение двадцать два. Он не сразу сумел вставить ключ в скважину — так дрожали руки. «Успокойся, — сказал он себе. —

Ты ничего крамольного не делаешь, просто не хочешь, чтобы тебя видели. Ты хочешь избежать чужих глаз и досужих расспросов. Потому что тебе нужно время — несколько часов, — и после долгих колебаний и раздумий ты понял, что это можно... *проверить* только ночью, когда здесь пусто и никто не помешает. Ты же так решил? Так. А потому прекрати истерику. Будь мужчиной! Будь мужчиной... Господи, как часто он это слышал! Будь мужчиной, дай ему в морду! Будь мужчиной, не позволяй вытирать об себя ноги! Будь мужчиной, докажи ему! Ей! Им всем! Он докажет! Он им всем докажет и покажет. Сейчас наступает его звездный час».

Ему почудился шум сверху, как будто негромко лязгнула металлическая дверь — легкое чмокание, и он почувствовал, как замерло и пустилось вскачь сердце и взмокла спина. Он прислушался — напряженно, до неприятного комариного писка в ушах. Все было тихо. Показалось. Он перевел дух, провернул ключ в замочной скважине, нажал на ручку, и дверь с легким скрипом подалась. На негодохнуло тяжелым затхлым духом непроветриваемого помещения и старой бумаги. Здесь было еще холоднее, чем на лестнице. Поколебавшись, он осторожно затворил за собой дверь и, светя фонариком, пошел к нужному сектору. Включить свет он не осмелился.

Он шел вдоль рядов с табличками с названиями и датами. Дошел до нужного, углубился в проход. Светя себе фонариком, нашел папки. Поставив фонарик на полку, чтобы освободить руки, достал одну из папок, положил на

пол, присел на корточки и стал быстро листать пожелтевшие листки. За первой папкой последовала вторая, потом третья. Того, что он искал, все не было. Он нашел то, что было ему нужно, в восьмой по счету папке, издал удовлетворительный возглас, что-то вроде: «Наконец-то!» и «Бинго!», и достал айфон. Было два ночи — он пробыл здесь уже шесть часов. Он переворачивал страницу за страницей, фотографируя документы. Через двадцать минут он закончил и сложил листки обратно в папку. Потянулся, чувствуя приятную усталость в затекшем теле. «Все, — сказал он себе. — Вот и все». Он принялся просматривать отснятое, приговаривая и шепча что-то. Он был так увлечен, что не услышал ни звука открываемой двери, ни осторожных шагов. Архивное эхо тут же подхватило невнятные звуки, размазывая их по стенам, стеллажам и превращая в едва слышный шелест. Человек, листавший документы, ничего не слышал. В самый последний миг он почувствовал легкое дуновение ледяного сквознячка, но удивиться не успел, равно как и поднять голову. Его шею обхватили и сжали сильные руки, раздался негромкий хруст, и для него все было кончено. Фонарик откатился в сторону, под стеллаж, и светил оттуда таинственно и ущербно. Убийца отбросил тело, и оно, скорчившись, улеглось рядом с разбросанными листками. Он подобрал с пола папку, раскрыл, сгреб пожелтевшие листки, сунул в карман куртки. Сверившись с номером, вернул папку на место. Спрятал во внутренний карман айфон мертвого человека. Осмотрелся, подобрал с пола какой-то клочок. Постоял, окиды-

вая взглядом высокие стеллажи, прислушиваясь, и пошел к выходу. Ключ торчал в замочной скважине снаружи; он провернул его дважды, подергал за ручку, удостоверюсь, что дверь заперта, и стал подниматься по лестнице. Овальное пятно света плясало на ступеньках. Наверху он повесил ключ на щиток и примостился тут же на деревянной лавке, справедливо рассудив, что может немного вздремнуть. О человеке, оставшемся там, внизу, он уже не думал.

Утром, до появления первых посетителей, он прятался в каморке, где хранились ведра, швабры и ящики с инструментами и всяким ненужным хламом, потом — в мужском туалете. Когда же появились первые посетители, он выскользнул из здания...

Глава 2 Новый клиент

— Тебе письмо! — сказал адвокат Алик Дрючин своему коллеге и сожителю, частному детективу Александру Шибаеву, с которым делил офис. Он помахал в воздухе длинным узким конвертом, потом понюхал его, закатил глаза и сказал с прidyханием, напирая на шипящие:

— Из Европы, между прочим. Из Германии!

— Дай! — Шибаев выхватил у Алика конверт, надорвал, вытащил белый сложенный листок, развернул и принялся читать.

— Ну, что там? — Алик сгорал от нетерпения. — Что она пишет?